

ЗАКОН О ЗАЩИТЕ ЧУВСТВ ВЕРУЮЩИХ В ИСТОРИКО-ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ

(Статья первая)

© 2016 г. Орест Владимирович Мартышин¹

Федеральный закон от 30 июня 2013 г. рассматривается в сравнении с законодательством о цензуре и религиозных преступлениях в дореволюционной России и за границей. Закон оценивается как одно из средств установления привилегированного положения “традиционных религий”.

Federal Law of 30 June 2013 is compared with legislation on censorship and crimes against religion in prerevolutionary Russia and foreign countries. The Law is regarded as one of the means to establish privileged status for “traditional religions”.

Ключевые слова: религиозные преступления, цензура, свобода совести, светское государство, религиозное объединение.

Key words: crimes against religion, censorship, freedom of conscience, secular state, religious association.

Очередным ярким проявлением политики, направленной на создание режима наибольшего благоприятствования для некоторых религиозных организаций, стал Федеральный закон “О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных чувств и убеждений граждан” от 30 июня 2013 г. (далее – Закон от 30 июня 2013 г.).

Законопроект о введении уголовной ответственности за оскорбление чувств верующих и осквернение святынь был внесен в Государственную Думу в сентябре 2012 г. представителями всех фракций. В феврале 2013 г. на встрече с участниками Архиерейского собора РПЦ Президент РФ В.В. Путин заявил, что традиционные ценности, религиозные чувства верующих, так же как и права, свободы, достоинство людей, необходимо защищать не только силой общественного мнения, но и силой закона². 9 апреля законопроект приняли в первом чтении, а 15 апреля одобрили поправки к нему. Вместо введения в УК дополнительной статьи было решено внести изменения в ст. 148 УК³. Статья 148, входящая в разд. VII “Преступления против личности” и в его рамках в гл. 19 “Преступления против конституционных прав и свобод гражданина и человека”, до внесения изменений была озаглавлена “Воспрепятс-

твование осуществлению права на свободу совести и вероисповедания”. Объективная сторона состава преступления заключалась в “незаконном воспрепятствовании деятельности религиозных организаций или совершению религиозных обрядов”. Эта четкая формулировка соответствовала содержанию ст. 143 УК РСФСР “Нарушение свободы совести и вероисповедания”, под которым понималось нарушение порядка при осуществлении религиозных обрядов и церемоний.

В соответствии с Законом от 30 июня 2013 г. ст. 148 УК РФ получила наименование “Нарушение прав на свободу совести и вероисповедания”, а ее содержание значительно расширилось. “Незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний”, которым исчерпывалось содержание прежней статьи, стало ч. 3 и 4 действующей редакции. Части 1 и 2 вводят новый состав преступления – “Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих” (ч. 1), “те же действия, совершенные в местах, специально предназначенных для богослужений, других религиозных обрядов и церемоний” (ч. 2). Предусмотрены суровые наказания за эти действия, в частности, штраф до 300 тыс. руб. или в размере дохода осужденного за период до двух лет, либо лишение свободы на срок до одного года (ч. 1), штраф до 500 тыс. руб. или в размере дохода осужденного за период до трех лет, либо лишение свободы на срок до трех лет (ч. 2).

¹ Профессор кафедры теории государства и права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук.

² См.: Независимая газ. 2013. 4 февр. С. 1.

³ НГ Религии. 2013. 17 апр. С. 3.

* * *

Известны два правовых способа государственной защиты религии от посягательств: цензура и преступления против веры.

Включение религиозных соображений в цензурные ограничения особенно характерно для стран, в которых религия неотделима от политической власти. Таковой была царская Россия. Ярким примером бдительности дореволюционной российской цензуры служит запрет в 1889 г. на 6-ю кн. сочинений Н.С. Лескова, в которую вошел очерк “Мелочи архиерейской жизни”.

Великий бытописатель Православной Церкви сочетал горячую веру с осуждением бездуховности и стяжательских инстинктов “несытых архиерейских скотин”, по выражению Петра Первого, которое с явным удовольствием воспроизводил Н.С. Лесков⁴. «Я никогда не осмеивал сана духовного, но я рисовал его носителей здраво и реально, и в этом не числю за собой вины, — писал он И.С. Аксакову. — В одних “Мелочах архиерейской жизни” я погрешил (по неведению), представив архиереев, как писал мне один умный владыка, “лучше, чем они есть на самом деле”»⁵. Н.С. Лесков был убежден, что пороки церковных учреждений должны служить объектом общественного внимания и критики, видя в этом путь нравственного возрождения: “Так называемый консерватизм, чаще всего у нас сходящийся с полной косностью, недавно дошел было до того, что наши пустосвяты были склонны видеть зло в самом возрастающем внимании мирян к делам церкви... Оно (внимание. — О.М.) достойно поддержки, а не противодействия, потому что оно истекает из самого чистого источника — из любви к Родине и ее вере. Вера же наша, несомненно, страдает и подвергается самым ужасным, почти не слыханным в христианском мире порицаниям не по влиянию “заносных учений”, на которые мы охочи все сваливать, а по причинам, зависящим от устройства нашей церкви”⁶.

“Мелочи архиерейской жизни” печатались в 1878 г. в газете “Новости”, а в 1879 и 1880 гг. — отдельным изданием. Это произведение было включено в 6-ю кн. сочинений Н.С. Лескова, вышедшую в 1889 г. Но тут грянул гром. Санкт-Петербургский цензурный комитет счел, что “вся шестая книга сочинений Лескова, несмотря на неоспоримую общую благонадежность автора,

оказывается, к сожалению, дерзким памфлетом и на церковное управление России, и на растление нравов нашего духовенства”. Духовная цензура также осудила книгу, и Главное управление по делам печати запретило ее. Почти весь тираж был уничтожен. В 1891 г. Н.С. Лесков сообщал Л.Н. Толстому, что юнкера Константиновского военного училища по доносу офицера посадили под арест за то, что он читал книгу “Мелочи архиерейской жизни”⁷. Н.С. Лесков стал жертвой цензуры, наделенной в царской России очень широкими полномочиями в деле защиты господствующей церкви. Светская цензура была призвана запрещать “произведения словесности, наук и искусств”, а также “духовные книги неправильных исповеданий”, если в них содержится “что-либо, клонящееся к поколебанию учения православной церкви, ее преданий и обрядов или вообще истин и догматов христианской веры”. М.А. Рейснер писал по этому поводу в эпоху первой русской революции: “Буквальный смысл приведенных положений закона просто страшен по своей чрезвычайной широте и растяжимости понятий, по своей полной неопределенности”⁸. Рядом со светской цензурой существовала еще и церковная. Она распространялась не только на духовные книги православного исповедания, но и на вопросы, связанные с религией, выполняла “функцию высшей общественной цензуры”⁹.

* * *

Закон от 30 июля 2013 г. формально не вводит цензуру, он устанавливает судебную ответственность. Этот способ защиты интересов верующих, или ограничения свободы мнений по определенным вопросам, вызывает ассоциацию с другим правовым институтом — преступлениями против религии. По существу религиозные преступления однотипны с действиями, подлежащими уголовной каре в соответствии с Законом от 30 июня 2013 г. Все различия между ними сводятся к определению оснований ответственности. Российский Закон вроде бы защищает не религию, а чувства верующих, тогда как не знавшие лицемерия законы прошлого прямо исходили из недопустимости посягательств на господствующую веру.

Преступления против веры — столь же древнее явление, как и сама религия. Синкретический характер древнего общества, религиозное освя-

⁴ Цит. по: Лесков Н.С. Собр. соч. В 11-ти т. Т. 6. М., 1957. С. 576 (Примечания).

⁵ Там же. С. 664.

⁶ Там же. С. 667, 668.

⁷ Там же.

⁸ Рейснер М.А. Государство и верующая личность. Изд. 2-е. М., 2011. С. 244.

⁹ Там же. С. 247.

шение всех сторон жизни человека обусловили многообразие действий, которые рассматривались как посягательства на религиозные устои. Эта особенность древнего общества нашла яркое воплощение в Ветхом завете. “Основная черта его исходит из отождествления понятий преступления и греха, — писал А. Чернявский, излагая лекции Н.С. Таганцева. — Законы еврейского народа суть заповеди Божьи, а потому всякое их нарушение, всякое преступление есть посягательство на самое Божество, на его веления”¹⁰. Из единства политического и сакрального вытекает и связь религиозных преступлений с политическими. Она, как пишет американский исследователь преступлений против веры Л.У. Леви, «уходит корнями в “Книгу исхода”, которая гласит: “Судий не зловоль и начальника в народе твоём не поноси”»¹¹ (22:28). “Невозможно было бы перечислить все религиозные преступления, различаемые и караемые Пятикнижием, — писал Э. Дюркгейм. — Еврей обязан был повиноваться всем повелениям закона под страхом смерти... В Афинах место религиозной преступности было еще очень значительно, было особое обвинение — нечестие, нечестивость, предназначенное преследовать преступления против национальной религии... Главные из них, о которых упоминается, следующие: отрицание верований, касающихся богов, их существования, их роли в человеческих делах, осквернение праздников, жертвоприношений, игр, храмов и алтарей”. При этом Э. Дюркгейм отмечает, что “религиозное сознание должно было быть менее нетерпимым на родине софистов и Сократа, чем в теократическом обществе, каковым был еврейский народ”. В результате преступление состояло уже “не в том, что не совершали предписаний культа, а в том, что нарушали его положительными поступками или словами”. В Риме, продолжает Э. Дюркгейм, традиционные верования “давят на индивидуальное сознание с еще меньшей тяжестью”, так как “политические функции, очень рано отделившиеся от религиозных, подчинили их себе”. “В Риме религиозные процессы, конечно, не имели того значения, что в Афинах. Мы там не находим никакого юридического установления, напоминающего нечестие (или нечестивость)”. Религиозных преступлений стало меньше. Они приобрели более четкую юридическую форму и стали различаться по степени тяжести. Римляне знали “искупаемые” и “неискупаемые” религиозные преступления. Наказание за искупа-

емые грехи состояло в жертвоприношении богам. К ним относилось и осквернение освященного или религиозного места, которое сурово каралось в Афинах¹².

Раннее христианство представляло собой отступление от традиционной связи религии с государственной властью. Больше того, принадлежность к христианству сама по себе рассматривалась в Римской империи до IV в. как преступление. Однако с превращением христианства в государственную религию Рима единство было восстановлено, хотя и в модифицированной форме. Древний синкретизм уступил место союзу трона и алтаря. Ветхозаветное и греко-римское отождествление отпадения от официальной веры с караемым государством преступлением возродилось на почве христианства. “Эти начала, — пишет А. Чернявский, — нашли себе выражение и в законодательстве первых христианских императоров, и в каноническом праве, а затем отразились на светском законодательстве и более поздних времен”¹³.

Отсюда отмеченное тем же исследователем совпадение видов религиозных преступлений по еврейскому и каноническому праву. Они включали отступление от веры (апостазия), общение с дьяволом, в частности колдовство и чародейство, нарушение заповеди о дне суббота (в христианстве — воскресном), богохульство, т. е. возведение хулы на Всевышнего, религию и ее учение (сюда относятся также упоминание всуе имени Божьего, божба и лжеприсяга)¹⁴. Л. Леви полагает, что христианство сильно расширило узкое и буквальное ветхозаветное понимание богохульства, включив в него ереси, так что различие между ересью и богохульством исчезло¹⁵. Последнее заключение несколько преувеличено. Тот же автор приводит принятый британским парламентом 2 мая 1648 г. закон о наказании за богохульство и ереси, карающий богохульство смертной казнью и вводящий менее суровые наказания за ереси¹⁶. Однако общая тенденция сводилась к тому, что богохульство превратилось в родовое понятие, синоним религиозных преступлений. Наряду со святотатством, нечестивостью, непристойностью, кощунством (границы между ними условны и зыбки) к нему могли быть отнесены и ереси. “В христианской мысли, — пишет Л. Леви, — ут-

¹⁰ Чернявский А. Религиозные преступления (Из лекций Н.С. Таганцева). СПб., 1905. С. 1.

¹¹ Levy L.W. Blasphemy. The University of North Carolina Press. Chapel Hill and London, 1995. P. 73.

¹² См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 153–156.

¹³ Чернявский А. Указ. соч. С. 1, 2.

¹⁴ Там же. С. 2, 3.

¹⁵ Levy L.W. Op. cit. P. IX.

¹⁶ Ibid. P. 120.

вердился взгляд, что богохульством является любое религиозное убеждение, противоположное политике церкви и ее руководства”¹⁷. Поэтому при Стюартах использовалось еще одно родовое определение преступлений против веры – нонконформизм¹⁸, т. е. непризнание государственной религии, непринадлежность к ней. Акт о терпимости 1689 г. (Toleration Act) лишил “нонконформизм” юридического значения и избавил большинство нонконформистов от ответственности по ряду законов. Впрочем, он распространялся не на всех лиц, не принадлежащих к англиканской церкви. Католики подпали под действие этого Акта лишь в 1778 г.¹⁹

Религиозные преступления сурово карались. Смертная казнь была обычной мерой, в чем некоторые исследователи видят отступление церкви от евангельских принципов²⁰. Предание еретиков смерти практиковали не только католики, но и протестанты всех основных направлений – лютеране, кальвинисты, приверженцы англиканства. Начав с борьбы за религиозную свободу, они вскоре обратились к традиционным формам защиты господствующей церкви. “Европа шестнадцатого века была враждебна к религиозной терпимости, – пишет Л. Леви. – Политические и религиозные лидеры, как противники, так и сторонники Реформации, верили, что безопасность государства и сохранение религии требовали казни упорствующих и богохульствующих еретиков. Они не видели ничего антихристианского в высшей мере наказания за преступление против веры в Бога”²¹.

* * *

Однако постепенно пробивала себе дорогу та же тенденция, которую Э. Дюркгейм отмечал еще в дохристианские времена при сравнении законов Иудеи, Греции и Рима: сужение круга религиозных преступлений и смягчение санкций. В XVI в. протесты против преследования еретиков, если не считать их прямых жертв, носили единичный характер. Таково сочинение С. Кастеллио из Базеля “О еретиках”, изданное под разными псевдонимами на латинском, французском и немецком языках в 50-е годы – первая в XVI в. книга о свободе веры²².

В XVII в. центр борьбы против религиозного деспотизма и фанатизма переносится в Англию. Английскую революцию называли квакерской. Она начиналась с борьбы за религиозную свободу. Почетное место среди идеологов веротерпимости принадлежит Дж. Мильтону и Дж. Локку, хотя они по политическим соображениям не распространяли ее на католиков, атеистов и нехристиан (во всяком случае – некоторых). В этом смысле они уступали левеллерам. Ч. Гейст, исследователь политической мысли Дж. Мильтона, заметил с сарказмом, что терпимость признается им по отношению ко всем, кроме инакомыслящих²³.

В творчестве просветителей XVIII в. идеи пагубности государственного принуждения в конфессиональной сфере получили дальнейшее развитие. “Следует избегать применения уголовных законов в вопросах религии, – писал Ш. Монтескье. – В истории мы находим достаточно доказательств тому, что карательные законы в данном случае достигали только одного результата – физического истребления”²⁴.

Перемены в общественном сознании, воздействие рационалистической философии на “просвещенных монархов” привели к тому, что, по словам Л. Леви, исследовавшего проблему применительно к Англии и США, в XVIII в. богохульство как преступление, которое действительно преследуется судебным порядком, почти исчезло; закон, определяющий это преступление, сохранял значение как предостережение²⁵. Существовал своего рода разрыв между реакционными законами и либеральной практикой. Закон о богохульстве 1698 г. (An Act for the more effectual suppressing of Blasphemy and Profaneness) объявлял преступным отрицание истинности христианства и божественного характера Библии. В 1769 г. вышел 4-й том “Комментариев к законам Англии” У. Блекстона, в котором он настаивал на наказании за богохульство. Нонконформистский священник Ф. Фурно подверг эти положения критике. Но более 25 лет после этого ни один человек не был осужден за богохульство, хотя оно совершалось ежедневно в высказываниях унитариев (противников догмата Троицы) и деистов²⁶. Нечто подобное происходило и в американских колониях. “Закон о богохульстве” прозябал в Америке восемнадцатого века, – пишет Л. Леви. – Он был пережитком века минувшего и должен бы был совсем исчез-

¹⁷ Ibid. P. 35.

¹⁸ Ibid. P. 225, 226.

¹⁹ См.: *ibid.* P. 205.

²⁰ См.: Чернявский А. Указ. соч. С. 3.

²¹ Levy L.W. Op. cit. P. 66.

²² См.: *ibid.* P. 67–70.

²³ См.: Geist Ch. R. The Political Thought of John Milton. L., 1984. P. 34.

²⁴ Монтескье Ш. Избр. произв. М., 1955. С. 554, 555.

²⁵ См.: Levy L.W. Op. cit. P. 267.

²⁶ См.: *ibid.* P. 330.

нуть после того, как американские штаты стали не зависимыми от Великобритании. Как и привилегированное положение Церкви Англии, закон о богохульстве должен бы был столкнуться с непреодолимыми конституционными препятствиями в форме гарантированных государством религиозной свободы и недопустимости привилегированного положения какой-либо религии в сравнении с другими»²⁷.

* * *

XIX в. принес возрождение преследований за богохульство. Стимулом к нему послужила тревожная социально-политическая ситуация, возникшая в Англии как отклик на французскую революцию. Первой жертвой политики утвердившегося тогда в стране антиякобинского торизма стал Т. Вильямс, издавший богохульную, по мнению суда, книгу Т. Пейна “Век разума”. (Сам автор книги не мог быть наказан, так как находился за пределами Англии.) Суд над Вильямсом (1797 г.) покончил с терпимостью, характерной для Англии XVIII в. Вызванная им волна преследований нарастала в первые три десятилетия XIX в. и “достигла пика в период 1821–1834 годов, когда количество осужденных достигло 73, то есть примерно по 5 человек в год”²⁸.

Несоответствие средневекового института новому времени ощущалось в обществе. В 1841 г. вопрос о богохульстве рассматривал Королевский комитет по уголовному праву. Однако он пришел к выводу, что наказание за преступления против религии оправданно хотя бы одними только мирскими соображениями. Оно способствует повиновению закону, особенно среди невежественных и неразмысляющих граждан. К тому же большинство людей в цивилизованных странах считают религию достойной уважения, а значит, уголовный закон следует применять для защиты их чувств и мнений от оскорблений по данному вопросу²⁹.

В 80-е годы XIX в. в парламент вносился ряд биллей, призванных ограничить преследование за богохульство, в частности об исключении из состава этого преступления негативных суждений о религии, не преследующих цели нанести оскорбление. Все они были отвергнуты. В 1930 г. была предпринята новая попытка. На сей раз законопроект был отозван его инициаторами, недовольными поправками, которые внесло в

него правительство³⁰. Тем не менее после 1883 г. 20 лет не было процессов по богохульству, правда, их место заняли обвинения в непристойности. Та же тенденция доминировала с начала 20-х годов XX в., когда, как пишет Л. Леви, дела о непристойности с религиозной подоплекой или без таковой стали рутинными, и в то же время создавалось впечатление, что “к шестидесятым годам Англия стала безразличной к богохульству”. В 1967 г. парламент отменил Акт о богохульстве 1698 г. и другие “устаревшие” статуты. “Тем не менее позиция общего права по богохульству дремала, не потревоженная в старых судебских решениях, – комментирует сложившуюся ситуацию Л. Леви. – Следовательно, границы дозволенного в суждениях о религии оставались, несмотря на трудности с их определением”³¹.

В 1977 г., после перерыва в 56 лет, в Англии состоялся процесс по обвинению в богохульстве издателя журнала “Гей ньюз” Д. Лимона. Поводом послужила публикация стихотворения Дж. Киркапа об Иисусе Христе, воспринятая как оскорбление верующих. Издатель был признан виновным и приговорен к девяти месяцам тюремного заключения условно и уплате штрафа. Суд Королевской скамьи в 1978 г. отменил условное тюремное заключение, но обвинение в богохульстве осталось в силе и было в следующем году поддержано в Палате лордов – высшей судебной инстанции³².

Дело 1977, или 1977–1979 гг. (если учитывать его завершающую стадию) оказалось последним событием такого рода в истории британского правосудия. Хотя процесс продемонстрировал, что нормы общего права по богохульству продолжают действовать, он уже в то время носил уникальный или, как пишет Л. Леви, аномальный характер – и не только потому, что подобных дел не наблюдалось несколько десятилетий. Когда в знак протеста против обвинения Д. Лимона в богохульстве газеты “Соушелист Челлендж” и “Соушелист Уоркер” демонстративно перепечатали стихотворение Киркапа, а “Движение за свободу слова” предлагало его копии каждому, кто пришлет почтовый конверт с маркой и своим адресом, никто их не преследовал³³.

Предпринимались попытки отменить действие норм общего права по богохульству законодательным путем, но они провалились. Комитету по вопросам законодательства было предложено

²⁷ Ibid. P. 400.

²⁸ Ibid. P. 330.

²⁹ См.: ibid. P. 434.

³⁰ См.: ibid. P. 504, 505.

³¹ Ibid. P. 535, 536.

³² См.: ibid. P. 543–550.

³³ См.: ibid. P. 549.

рассмотреть действующие нормы о богохульстве. В подготовленном в 1981 г. предварительном докладе Комитет отметил, что уголовное право “не является подходящим методом для обеспечения уважения к религиозным убеждениям”, что круг тем, высказывания по которым могут рассматриваться некоторыми религиозными группами как оскорбительные, настолько широк, что это приведет к беспрецедентным ограничениям свободы слова, а также признал, что некоторые религиозные убеждения, например необходимость забивания камнями до смерти прелюбодеев, заслуживают осуждения. Комитет поддерживал отмену норм общего права без замещения их новым законом о богохульстве. Однако в случае, если бы такой закон был принят, Комитет настаивал на необходимости доказательства особого намерения богохульствовать в качестве неотъемлемого признака состава преступления. В 1985 г. все эти положения были воспроизведены в окончательном тексте доклада, представленном в парламент. В нем содержалась также мысль о том, что введение нового закона о богохульстве взамен норм общего права не соответствовало бы интересам общества, которое становится все более плюралистичным и нерелигиозным. Однако парламент не принял по докладу Комитета никакого решения³⁴.

Общее право юридически сохраняло силу и могло быть применено. Этого не случилось, видимо, потому, что Комитет по вопросам законодательства верно оценил состояние общественного мнения. Однако понадобилось 20 с лишним лет, чтобы его рекомендации осуществились. Нормы общего права, карающие за богохульство, были отменены в 2008 г. Ранее был принят Закон против расовой и религиозной ненависти, устанавливающий ответственность не за посягательство на веру, а за действия, разжигающие ненависть к людям из-за их расовой или религиозной принадлежности.

США, как отмечает Л. Леви, отличались большей в сравнении с Англией терпимостью в вопросах веры, чему способствовала первая поправка к Конституции, исключаящая союз церкви и государства на федеральном уровне. На уровне штатов последняя государственная религия была отменена в 1833 г. За непристойность и нечестивость наказывали чаще, чем за богохульство. С 1937 по 1968 г. не было ни одного судебного дела по богохульству³⁵. Однако возможность такого преследования сохраняется, пока не отменены соответствующие законы и нормы общего права.

Л. Леви отмечает, что в 1977 г. Генеральное собрание (легислатура) Массачусетса из уважения к группам, осуществляющим своего рода общественную цензуру фильмов и изданий с точки зрения их соответствия религиозной морали, отказалось отменить нормы права о богохульстве, восходящие к XVII столетию. В 1968 г. апелляционный суд штата Мэриленд занял противоположную позицию, объявив недействительным Закон штата о богохульстве 1723 г., что послужило, по словам Л. Леви, “началом новой эры, когда осуждениям за богохульство в Соединенных Штатах был положен конец”³⁶. По мнению Л. Леви, с той поры, если бы кто-нибудь в любом месте США был признан виновным в богохульстве, велика вероятность того, что этот приговор был бы отменен апелляционными судами и Верховным судом, призванным отстаивать принципы поправки I к Конституции³⁷.

Э. Дюркгейм полагал, что “более или менее полное расхождение юридического и религиозного элементов – один из лучших признаков, по которым можно узнать, развито ли одно общество более или менее другого”³⁸. В сфере уголовного права это расхождение юридического и религиозного происходило в форме постепенного сокращения и почти полного исчезновения религиозных преступлений. В начале XX в. А. Чернявский отмечал тенденцию смещения центра тяжести в религиозных преступлениях: “От понятия посягательства на Божество криминалисты перешли к понятию посягательства на права религиозных общин и их членов, оскорбленных в их наиболее дорогих убеждениях и стесняемых в наиболее ценном проявлении их свободы”³⁹. Тем самым происходило определенное снижение государственного и общественного характера религиозных преступлений. Они рассматривались не как покушение на веру, основу и опору государства, но как на посягательство на права граждан или их объединений.

На конференции по богохульству, состоявшейся в Лондоне в 2012 г., английский ученый К. Малак отметил, что в упомянутом выше английском Комитете по вопросам законодательства, опубликовавшем в 1985 г. доклад о богохульстве, было меньшинство, предлагавшее заменить богохульство или кощунство иной формулировкой, запрещающей гражданам “намеренно выводить из себя или оскорблять религиозные чувства окружающих”. Не стал ли Закон об ответственности за разжигание ненависти на основе расовой и ре-

³⁶ Ibid. P. 527.

³⁷ См.: ibid. P. 571.

³⁸ Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 137.

³⁹ Чернявский А. Указ. соч. С. 3.

³⁴ См.: ibid. P. 552–554, 558.

³⁵ См.: ibid. P. 506, 507.

лигиозной принадлежности своеобразным воплощением этого плана?

* * *

Подобные сдвиги в отношении к судебному преследованию за богохульство происходят и в других странах, хотя на сегодняшний день складывается довольно пестрая картина. Неудивительно, что в мусульманских странах, где сохраняется верность принципу единства духовной и светской власти, а также влияние шариата, религиозные преступления караются на основании уголовного права, причем санкции отличаются суровостью вплоть до смертной казни. Обычно защита распространяется только на ислам. В Иране наказываются не только кощунство, но и критика исламской власти, публикация материалов, не соответствующих исламу. Уголовный кодекс Иордании устанавливает санкции в виде тюремного заключения за кощунство в адрес ислама, унижение мусульман, оскорбления в адрес пророка Мохаммеда. В Египте ст. 98 УК запрещает кощунство в адрес ислама, христианства и иудаизма. Статья 216 УК Турции содержит более широкую формулировку: ответственности подлежит “публичное унижение религиозных чувств и чести населения”.

Израиль, избегающий законодательного определения отношения государства к религии, вводит наказание за кощунство по ст. 170 (осквернение молитвенных мест с целью оскорбления верующих) и 173 (публикации, а также поведение в публичном месте, грубо оскорбляющие религию) УК.

Широкий диапазон правовых норм относительно богохульства в христианских странах. В Греции наказание за кощунство предусмотрено ст. 198, 199 и 201 УК. Есть и особый Закон об оскорблении чувств верующих, действие которого распространяется только на христианство. Впрочем, и статьи УК о кощунстве применялись исключительно для защиты православия, которое названо в Конституции “господствующей в Греции религией” и пользуется особым статусом.

В Республике Мальта, где католицизм является государственной религией, обвинения в кощунстве по ст. 342 УК довольно часты. В Ирландии оскорбление религиозных верований и символов запрещено на высшем юридическом уровне – в Конституции 1937 г. Связано это, вероятно, с признанием в том же документе особой роли Римской католической церкви как охранительницы веры огромного большинства граждан. Дело о богохульстве Ирландия не знает более полутора веков, но соответствующие законы существуют. Последний

из них вступил в силу 1 января 2010 г. Его введение инициаторы оправдывали необходимостью распространить защиту, предоставленную Конституцией христианам, на другие религии. Однако Закон вызвал недовольство части общества, в первую очередь объединения “Атеисты Ирландии”. В сентябре 2014 г. было объявлено о намерении провести референдум по вопросу, нужно ли сохранять уголовное преследование за богохульство⁴⁰.

В Италии, где позиции католической церкви особенно сильны, уголовная ответственность за кощунство была введена при фашистском режиме в 1930 г. Она оберегала только государственную религию. В 1995 г. защита от кощунства была распространена на все религии, но в 1999 г. кощунство перестало быть уголовным преступлением и ныне рассматривается как административный проступок. Уголовный кодекс Бразилии примечателен конкретизацией преступления (ст. 208). Речь идет о “публичном оскорблении богослужения или объекта почитания”.

По ст. 166 УК ФРГ наказывается кощунство, связанное с нарушением общественного порядка, § 188 УК Австрии запрещает оскорбление священных лиц и предметов. В Австралии в ряде штатов святотатство считается преступлением, но последняя попытка обвинения в святотатстве относится к 1919 г. В Уголовном кодексе Канады сохраняется норма английского Закона о кощунстве, отмененная в Англии, но последний случай обвинительного приговора имел место в 1936 г. В настоящее время для защиты прав верующих применяют законы о разжигании ненависти, действие которых распространяется на любую идентифицируемую группу людей. Похожая ситуация сложилась в Дании, где последнее осуждение за кощунство по ст. 140 УК произошло в 1938 г. Ныне с этой целью используют ст. 266 о разжигании ненависти. Попытка отменить статью о кощунстве в 2004 г. не увенчалась успехом. В Финляндии попытки отменить уголовное наказание за кощунство предпринимались неоднократно (последний раз – в 1999 г.), но все они оказались тщетными. В Нидерландах последний случай признания виновными в кощунстве по ст. 147 УК произошел в начале 60-х годов. Группа студентов была оштрафована за сатиру на Новый завет. В ноябре 2008 г. министр юстиции заявил о намерении правительства отменить ст. 147 УК и использовать вместо нее законодательство против дискриминации и оскорблений в адрес любой группы людей. Однако в мае 2009 г. правительство отказалось от этого намерения

⁴⁰ НГ Религии. 2014. 15 окт. С. 4.

после того, как Верховный суд признал человека, демонстрировавшего плакат “Остановить исламскую опухоль”, невиновным в оскорблении группы людей по религиозным основаниям.

Богохульство (кошунство) по-прежнему признается правонарушением в ряде стран мира. Однако рядом с ним, а иногда и вместо него сложился состав правонарушений, получивший название “оскорбление религии” или “оскорбление религиозных чувств”. В Европе к этой категории стран относятся Андорра, Греция, Дания, Германия, Голландия, Исландия, Испания, Италия, Кипр, Литва, Норвегия, Польша, Португалия, Россия, Словакия, Украина, Финляндия, Хорватия, Чехия и Швейцария.

Можно выделить следующие общие тенденции в отношении западных стран к этим правонарушениям. Во-первых, в большинстве стран соответствующие правовые нормы пребывают в дремлющем состоянии, т.е. не действуют фактически или применяются крайне редко. Во-вторых, наблюдается снижение меры наказания, в том числе посредством перевода деяния из категории преступлений в категорию административных проступков. Наконец, в-третьих, характерно расширение объекта покушения. Под ним понимаются не только религия, религиозные объединения и чувства, но любая группа людей, идентифицируемая по какому-то признаку или принципу. Иными словами, религия утрачивает право, монополию или привилегию на особую защиту.

Обобщая эти тенденции, Парламентская ассамблея Совета Европы 29 июня 2007 г. приняла рекомендацию 1805 (2007) по вопросам кошунства, оскорблений и возбуждения ненависти на религиозной почве. Руководствуясь Европейской конвенцией о защите прав человека (ст. 9 и 10 – свобода мысли и религии, свобода слова), ПАСЕ постановила, что кошунство не должно считаться уголовным преступлением. 23 октября 2008 г. Венецианская комиссия (официальное название – Комиссия за демократию через право, консультативный орган Совета Европы) опубликовала отчет по вопросам кошунства, в котором содержатся следующие положения: “включение религиозных оскорблений в число правонарушений не является необходимым и желательным”, “кошунство должно быть исключено из состава преступлений”.

В связи с протестами ряда европейских религиозных организаций против публичного проявления неуважения к религии проблема не утрачивала остроты. В 2009 г. в рекомендациях Венецианской комиссии отмечалось, что “демократические общества не должны становиться заложниками чрезмерной чувствительности отдельных лиц”,

так как следует признавать допустимость критики религиозных идей, даже если она воспринимается кем-либо как оскорбление религиозных чувств⁴¹. Общественная и судебная практика по этим вопросам противоречива. Известны случаи, когда шумные протесты не приводили к судебному преследованию (карикатуры на пророка Мухаммеда, появившиеся в датских газетах, а затем воспроизведенные во Франции и в Германии. При этом “Франс Суар” расширила фронт критики, изобразив индуистских богов, Будду, Бога Отца, Христа и Магомета сидящими на облаке, под заголовком “У нас есть право изображать богов в карикатурном виде”, 2006 г. Или в том же году появление певицы Мадонны, распятой на кресте и с терновым венцом на голове, в эстрадной программе. Казалось бы, сам ее сценический псевдоним может рассматриваться как кошунство), и наоборот (в 1994 г. ЕСПЧ поддержал запрет на демонстрацию фильма “Любовный собор” в Тироле на том основании, что он мог быть воспринят католиками, составляющими большинство населения, как оскорбительные нападки на их веру)⁴².

* * *

В Российской Империи религиозным преступлениям всегда придавалось первостепенное значение, что вытекало из государственного характера Православной церкви. Законодательство рассматривало религиозные преступления как посягательство на основы государственного строя. Этот взгляд восторжествовал и в Редакционной комиссии по составлению Уголовного уложения 1903 г.⁴³, которая постановила придерживаться в вопросе о религиозных посягательствах, по крайней мере в основных чертах, воззрений действующего законодательства. Вот мотивировка этого решения: “Религия и церковь являются одним из важнейших государственных и общественных устоев, охрана которых от злоумышленных на оные посягательств должна быть признана одною из наиболее важных задач карательной деятельности. Особенно же важно это в России, где начала христианской веры и православная церковь, представляясь соединительным звеном, стягивающим воедино ее многочисленное и разнообразное на-

⁴¹ См.: *Лункин Р.Н.* Верующие в расстроенных чувствах // *НГ Религии*. 2012. 21 марта. С. 7.

⁴² См.: там же.

⁴³ Новое уголовное уложение, готовившееся более 20 лет, было “высочайше утверждено” в марте 1903 г., но так и не вступило в силу (см.: *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. 1. Вступит. очерк М.И. Загородникова. М., 1994. С. III).

селение, придали нашему Отечеству ту мощь, в силу которой оно занимает столь выдающееся в среде современных государств положение. Сообразно такому значению христианства и православия в России охрана их в уголовном законодательстве имеет особую важность, существенно отличную от других государств”⁴⁴.

Отсюда – особое место религиозных преступлений в законодательстве. В Уложении царя Алексея Михайловича 1649 г. им посвящена первая глава “О богохульниках и церковных мятежниках”. Ряд нарушений права, связанных с религией, например лжеприсяга, святотатство, церковная татьба, были включены в другие главы, т.е. не считались преступлениями, направленными исключительно против религии. В кн. 1 т. XV Свода законов Российской империи (1832) были объединены все составы преступлений, связанных с религией. Им посвящен разд. 2 “О преступлениях против веры”. Тот же принцип был сохранен в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение о наказаниях 1845 г.). Но разд. 2 “О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений” сильно разросся, так как составы преступлений описывались более конкретно и с учетом ряда частных случаев. В результате раздел содержал 81 статью вместо 37 в Своде законов, что, по мнению А. Чернявского, невыгодно отличало наше уложение от всех современных уголовных кодексов Западной Европы: германский Кодекс содержал всего 7-8 статей о религиозных преступлениях, а французский Кодекс и вовсе не знал их⁴⁵.

“Редакционная комиссия по подготовке Уголовного уложения 1903 г., – рассказывает тот же автор, – придерживаясь разделения всех преступных деяний по их объектам на три группы: государственные, общественные и против частных лиц и справедливо относя преступления религиозные ко второй из этих категорий, полагала поместить этот отдел после преступлений государственных... Однако... мнение ее не получило одобрения со стороны Святейшего Синода, высказавшегося за предоставление им прежнего места в уважение оснований, принятых еще редакторами уложения 1845 года. Последнее мнение было принято и Государственным Советом”. Тем самым сохраняло силу обоснование отнесения посягательств на веру к преступлениям государственным, содержащееся в Уложении о наказаниях 1845 г.: “Преступления против веры суть такие восстания против высшей

власти в обществе, коей права, особенно у нас, столь тесно соединены с правами верховной власти”⁴⁶.

Само количество статей Уложения о наказаниях 1845 г. свидетельствует об охвате всех возможных посягательств на веру, что полностью соответствовало традициям единства или союза религии и политической власти, заложенным еще в древнееврейском и каноническом праве. В Своде законов разд. 2 “О преступлениях против веры” подразделялся на главы: (1) “О богохулении и порицании веры”; (2) “Об отступлении и отвращении от веры”; (3) “О наказаниях за ереси и расколы”; (4) “О подложном проявлении чудес, лжепредсказаниях, колдовстве и чародействе”; (5) “О нарушении благочиния в церкви, учиненном мирянами или духовными лицами”; (6) “О святотатстве (т.е. похищении церковных вещей и денег), разрытии могил и ограблении мертвых тел”.

Религиозные преступления сурово карались. За богохульство в церкви полагалась каторга от 12 до 15 лет; за то же преступление в публичном месте или многолюдном собрании – каторга от 6 до 8 лет; за богохульство или порицание веры при свидетелях – ссылка на поселение в места, особо к тому предназначенные; за богохуление или порицание веры, совершенные по неразумию, невежеству или пьянству, – тюремное заключение от 8 месяцев до 1 года. Ответственности подлежали и лица, которые, будучи свидетелями произносившего в публичном месте богохульства или порицания веры, не донесут об этом начальству⁴⁷.

Считалось само собой разумеющимся, что Уложение о наказаниях 1845 г. наказывало только за оскорбление христианских святынь. В литературе велась дискуссия, имелось ли в виду под христианством одно православие или также и католичество⁴⁸. Хотя основные законы Российской Империи (ст. 45) провозглашали право иноверцев (мусульман, евреев и язычников) на соблюдение законов их веры, Уложение о наказаниях 1845 г., как отмечает А. Чернявский, “вовсе не упомянуло об оскорблении предметов религиозного почитания нехристианских вероучений”. Так и не введенное в действие Уголовное уложение 1903 г. пыталось в какой-то мере предоставить защиту неправославным вероисповеданиям. Для этого требовалось признание данной нехристианской веры в России. Но и при этом условии оскорбления нехристианского учения, а также поругание действием или поношение предметов почитания

⁴⁴ Чернявский А. Указ. соч. С. 4, 5.

⁴⁵ См.: там же. С. 6, 7.

⁴⁶ См.: там же.

⁴⁷ См.: там же. С. 12.

⁴⁸ См.: там же. С. 9.

предполагалось наказывать только в том случае, если они осуществлялись в молитвенном доме или при публичном совершении богослужения⁴⁹. Таким образом, оберегалась от оскорблений только государственная религия. При этом карались не только порицание православной веры и ее догматов, но и порицание православной церкви⁵⁰. Такова уголовно-правовая защита официальной веры в самодержавной России.

Со всем этим покончила советская власть, провозгласившая принцип отделения церкви от государства. Новая государственная идеология была атеистической. Борьба с религией не ограничивалась пропагандой и в моменты обострения превращалась в настоящую войну с разрушением церквей и расстрелом священников. Но и в сравнительно спокойные периоды религия не могла быть объектом особой защиты. Преступления против веры исчезли из уголовного законодательства. Элементарные гарантии интересов религиозных организаций в тех случаях, когда они предоставлялись, осуществлялись на основе общих норм Конституции, уголовного, административного и гражданского права, примером чего служит ст. 143 УК РСФСР.

* * *

Исследователи религиозных преступлений, как миряне, так и лица духовного звания, признают, что эти преступления представляют собой порождение и наследие той эпохи, когда государство и религия представляли собой нерасчленимое целое. Христианство, бросившее первоначально вызов этому единству, превратившись в государственную религию, лишь модифицировало его в форме союза трона и алтаря, “мистического брака церкви и государства”, по выражению американского католического священника Дж. Бэйерла. “Гражданство и принадлежность к церкви совпадали в такой степени, что утрата прав, дарованных одной властью, означала утрату или сокращение прав, вытекающих из другой, – писал он. – В результате не было четкого разграничения между сферами церкви и государства”⁵¹. Именно из единства церкви и государства проистекает возложение на последнее обязанности приводить в исполнение наказание еретиков. Отступление от веры превращалось в преступление против государства. Религиозная нетерпимость возводилась в ранг государственной

политики. Отсюда и тяжесть наказаний. Английский философ XVIII в. Дж. Беркли, епископ англиканской церкви, призывал карать богохульство с той же суровостью, как измену королю⁵².

Защите подлежала только господствующая вера. Государство стремилось укрепить гомогенный характер общества и искореняло инакомыслие. Так было не только в Средние века, но и в Новое и в Новейшее время. В 1670 г. суд Королевской скамьи постановил, что богохульство является преступлением по общему праву, поскольку христианство представляет собой часть права Англии⁵³. Когда в 1988 г. представители мусульманской общины в Англии пытались привлечь к ответственности за богохульство С. Рушди в связи с публикацией им своего романа “Сатанинские стихи”, им объяснили, что общее право оберегает лишь англиканскую, т.е. государственную, церковь.

Теснейшая связь религии и государства на протяжении тысячелетий не оставляет сомнений в том, что преследования за преступления против веры в подавляющем большинстве случаев были продиктованы мирскими, политическими соображениями. Л. Леви отмечает, что так обстояло дело с V в. до н.э., когда в Греции были осуждены Протагор, Сократ, Фидий и другие при отсутствии доказательств, что они оскорбляли богов, до громких процессов последних веков⁵⁴. Тот же автор отмечает, что в Америке XVIII в., ставшей более терпимой или безразличной к религиозным отклонениям, интеллектуалы и состоятельные скептики, склонные к деизму, предпочитали поддержку христианства распространению деизма среди простонародья. “Религия, – продолжает он, – служила заслоном от радикализма, оплотом закона, порядка и стабильности”⁵⁵.

Отношение к религии и религиозным преступлениям – вопрос политический. Типичная расстановка сил сводится к тому, что незыблемость религиозно-государственных устоев отстаивают консервативные, правые, реакционные круги, тогда как левые, либералы склонны к религиозной свободе и терпимости. Воинствующая антирелигиозность порождается обычно тяжелым гнетом официальной веры и ее откровенной связью с государственными социально-экономическими и политическими интересами. Однако широко известны и случаи, когда борьба с названными интересами ведется под флагом неортодоксальной религии.

⁴⁹ См.: там же. С. 19, 20.

⁵⁰ См.: там же. С. 9, 10.

⁵¹ Baierl J.J. The Catholic Church and the Modern State. Rochester. New York, 1955. P. 3–5.

⁵² См.: Levy L.W. Op. cit. P. 299.

⁵³ См.: ibid. P. 308.

⁵⁴ См.: ibid. P. 7.

⁵⁵ Ibid. P. 270.